

Виктор Алексеевич Пронин

Женская логика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124706
Виктор Пронин. Женская логика: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33600-5

Аннотация

Убийство одного из жильцов – не очень приятное событие для соседей. И когда пенсионерку Екатерину Касатонову пригласили в качестве понятой на осмотр места преступления, она согласилась только из уважения к органам правопорядка. Но вот чего она даже не могла предположить, так это того, что ей самой придется расследовать это дело и вычислять убийцу. И даже следователь прокуратуры пасует перед чисто женской логикой...

Виктор Пронин

Женская логика

Все было прекрасно – наступил поздний вечер, пошел несильный теплый дождь, огни соседних домов отразились в мокром асфальте, нечастые машины проносились с тихим влажным шелестом. Их смазанные в лужах фары напоминали о чем-то давнем, почти забытом, когда такие вот ночные впечатления были обычными, частыми, желанными. Да что темнить – о юности напоминали ночные огни, шум дождя, молодые голоса где-то там, внизу, в зарослях кустарника, в детском саду, среди грибов и навесов...

Жизнь продолжалась, жизнь продолжалась...

Екатерина Сергеевна Касатонова, набросив на плечи толстый свитер с обвисшими рукавами, стояла на своем балконе и, опершись спиной о разогретую за день кирпичную стену, раздумчиво курила, выпуская время от времени дым в сырое ночное пространство. Фамилией этой ее наградила уже полузабытый муж, она ей не нравилась, но с годами Екатерина Сергеевна смирилась и частенько представлялась незнакомым не по имени-отчеству, а по фамилии. С высоты пятого этажа Касатонова видела верхушки деревьев, поблескивающую чешую металлических гаражей, лужи на асфальте, и, странное дело, все эти картины, давно привычные и даже поднадоевшие, в этот вечер почему-то волновали ее, тревожили, словно вот-вот должно было произойти событие, которого она долго ждала, заранее радуясь ему и заранее опасаясь его непредсказуемости.

А событие действительно наступило, сегодня, этим же вот днем, душным, тяжким днем, который закончился наконец освежающим дождем – Касатонова ушла на пенсию.

В пятьдесят лет.

Ее никогда не покидало ощущение, что все впереди, все впереди. Недочитанные книги, пропущенные спектакли, неосвоенные просторы южных гор, северных рек, лесов и перелесков средней полосы ожидали ее долгие годы и вот, казалось бы, дождались. Но вдруг пришло ощущение, что все это не только не приблизилось, а даже как-то отшатнулось и сделалось совершенно недостижимым.

И что более всего ужаснуло Касатову – ненужным.

Да, всего этого... уже не хотелось.

– Надо же, как быстро все заканчивается, – пробормотала она и по-хулигански, положив недокуренную сигарету на палец, щелчком запустила ее в темноту. – Как быстро все заканчивается... Кто бы мог подумать! – уже с гневом проговорила Касатонова, в глубине души все-таки сознавая, что лукавит, что на самом деле ничего не закончилось и все, как обычно, остается впереди. Это просто такой день, душный и тягостный день, на который выпал гнетущий груз ухода на пенсию. – Пятьдесят лет! Какие наши годы!

Поначалу судьба забросила ее на север, на какой-то химический комбинат, на Сахалин, потом она родила, потом развелась с Федором Касатовым и наконец, уже в конце пятого десятка, оказалась в неказистом издательстве, выпускающем не то химические вестники, не то технологические сборники, не то вообще черт знает что. Как бы там ни было, но однажды вдруг обнаружилось, что у нее северный стаж, да еще вредное производство, и она, если сама того пожелает, на вполне законных основаниях может выйти на пенсию в свои цветущие пятьдесят лет.

Но ее уход из издательства был кошмарным.

Трепеща, с колотящимся сердцем, бледная от волнения, она вошла в кабинет директора. Тот разговаривал по телефону. Увидев ее, широким жестом предложил сесть к приставному столику, движением бровей спросил, в чем, дескать, дело. Касатонова придвинула ему

свое заявление. Директор вынул из кармана ручку, снял колпачок и, едва взглянув на листок бумаги, не колеблясь, не раздумывая, ничуть не удивившись, легко подписал его.

Не прекращая разговаривать по телефону.

Тут же забыв о том, кто сидит перед ним, зачем пришел и что он подписал.

– У вас еще что-нибудь? – директор оторвался от телефона и поворотил свое лицо к Касатоновой.

– Может быть, вы не заметили... Я написала заявление об уходе по собственному желанию. На пенсию.

– Я понял. – Директор был оскорбительно невозмутим, спокоен, и только чуть-чуть, почти неуловимо пробивалось в его словах нетерпение – ему нужно было договорить по телефону о чем-то важном.

У Касатоновой была одна странная, но совершенно невинная привычка – увидев малейшее пренебрежение к себе, да и не только к себе, если при ней, просто при ней, кто-то к кому-то каким-то образом проявил даже вполне терпимое пренебрежение, она изумлялась. Причем изумлялась изысканно, с каким-то аристократизмом, хотя при ее биографии, образе жизни, заработной плате заподозрить ее в этом было чрезвычайно трудно. Но тем не менее изумление ее не заметить было невозможно. Вот и в этот момент, услышав от директора, что он все понял, прекрасно осознал суть подписанной бумаги и не нашел иных слов, как поинтересоваться, все ли она сказала что хотела, другими словами, предложил выметаться из кабинета и не мешать ему беседовать на судьбоносные темы...

Касатонина изумилась.

Поправила на хорошем таком своем выразительном носу очки, дорогие, между прочим, очки, сверкавшие так, будто сделаны они были не из простого стекла, а чуть ли не из хрустала. Так вот, поправив очки, чтобы сидели они устойчивее, Касатонина широко раскрыла глаза, вскинула голову, чтобы видеть директора в упор и чтобы он тоже видел ее в упор. И уставилась на него, мигая редко и замедленно, будто каждый раз закрывая и открывая глаза, она отмеряла не то время, не то расстояние, не то еще что-то более важное. Общее выражение ее лица, глаз, очков можно было назвать наивно-изумленным, может быть, даже радостным, она словно ожидала какого-то подарка и вот дождалась и видела, своими глазами видела, как при ней распаковывают яркую, посверкивающую коробку.

Такое примерно было у нее выражение лица.

– Что-нибудь не так? – спросил директор, смешавшись. Звали его, как и бывшего мужа Касатоновой, Федором Ивановичем, а фамилия у директора была Хиллов, хотя хилым его назвать нельзя было никак, скорее наоборот. Он был обилён не только лицом, но и всеми остальными частями тела, все у него было обильное – зад, шея, складки, разбросанные по всему телу разнообразно и с выдумкой.

– А что не так? – спросила Касатонина, прекрасно сознавая всю дурь своего вопроса. Она была обижена и, как всегда в таких случаях, впадала в неуправляемый кураж, играючи и забавляясь, переигрывая любого собеседника, с кем бы ей ни приходилось сталкиваться.

– Я подписал ваше заявление, – промямлил Хиллов, теряя нить разговора. – И вот теперь...

– Говорите, говорите, Федор Иванович, – мерцала широко раскрытыми глазами Касатонина.

– На пенсию, – брякнул Хиллов и, повертев телефонную трубку в руке, положил ее на аппарат.

– Я чрезвычайно вам благодарна! – с подъемом произнесла Касатонина. – Мне было очень приятно.

– Что приятно?

– Присутствовать.

- Где? – осел в кресле Хиров.
- При подписании.
- Господи... Каком подписании?
- Заявления. – Глаза Касатоновой были все так же распахнуты, но теперь и губы ее чуть приоткрылись, неплохие, между прочим, губы, наполненные, вполне еще сохранившиеся.
- Какого заявления? – тихо спросил Хиров, припав грудью к столу.
- Моего.
- Ах, да... Вы уходите на пенсию. Поздравляю.
- Интере-е-есно, Федор Иванович! Ничего, что я вас так называю? Вы мне как муж...
- Что?!
- Моего мужа тоже звали Федором Ивановичем. У меня сын от него. Алексеем зовут, – куражилась Касатонова.
- Да, неловко вышло... Извините.
- Вы мне что-нибудь подарите на прощание? От коллектива, естественно.
- А что бы вы хотели?

– Шаль с каймою! – Касатонова поднялась и, не меняя изумленного выражения лица, вышла из кабинета. В приемной она отдала секретарше Зиночке подписанное заявление, прошла в свой кабинетик, молча, скорбно собрала, выгребла из письменного стола все свои пожитки – туфли, тюбики с губной помадой, недоеденную плитку шоколада, которую подарил какой-то расщедившийся автор, сломанный зонтик, детектив без обложки и названия. Впрочем, последних страниц тоже не было, но это несколько Касатонову не смущало – в подобных случаях она додумывала окончания сама, и они ее вполне устраивали. Кстати, часто, купив нечто в мягкой обложке, она тут же обрывала первые и последние страницы вместе с залитой кровью обложкой, украшенной пистолетами, ножами, кастетами, кусками тел. Ей было интересно воссоздавать события, которые остались в урне возле книжного прилавка. И ничего, получалось. Это была своеобразная игра, и, как и все на белом свете, она не была случайной, судьба словно готовила Касатонову к другим событиям, к другой жизни, полной неожиданностей и загадок.

Дождь пошел сильнее, застучал по пластмассовому навесу над балконом, в лужах на асфальте раздробились отражения фонарей, шуршание машин по шоссе сделалось слышнее. Касатонова достала еще одну сигарету, не глядя нащупала за спиной на подоконнике коробок спичек, прикурила. Время было позднее, окна в соседних домах начали постепенно гаснуть, машины проносились все реже, и даже голоса под грибками в детском саду явно поутихли. То ли молодежь занялась чем-то более серьезным, то ли попросту разбежалась. Где-то внизу хлопнула дверь, и Касатонова краем глаза увидела женщину в светлом плаще и под темным зонтиком. Она легко сбежала по ступенькам крыльца и свернула за угол.

Жизнь продолжалась.

Но насладиться сигареткой Касатонова не успела – в комнате зазвонил телефон. Она по привычке положила недокуренный бычок на палец и лихо запустила его в мокрую, посверкивающую в свете фонаря листву.

- Да, – сказала она. – Слушаю.
- Это я, мам, – звонил Алексей. – Ты как там, жива?
- Местами.
- Дух боевой?
- Без комментариев.
- Но жизнь продолжается? – Сын пытался расшевелить ее, придать бодрости, втянуть в разговор легкий, быстрый и бестолковый, вывести из состояния сосредоточенной печали.
- Иногда мне тоже так кажется, – со вздохом произнесла Касатонова, окидывая взглядом полки, уставленные книгами, которые она собирала последние тридцать лет – в коман-

дировках, во всяких медвежьих углах, торчала сутками в очередях, господи, ночи проводила в очередях, чтобы подписаться, и на кого! На Пушкина, Достоевского, Толстого...

– Заявление подала? – задал наконец Алексей главный вопрос, ради которого и решился на поздний звонок.

– Подала.

– Подписал?

– Подписал.

– И ты теперь вольная птица?

– Вольней не бывает.

– И что? Никакой радости?

– Знаешь, Леша... Не могу ничего на это ответить. Сама путаюсь в показаниях... Ох, прости, не в показаниях, в ощущениях. Их так много, и они такие разные...

– Но ты смеялась весело и переливчато, вертелась на одной ноге, стреляла шампанским и разливала его по вашим конторским стаканам, черным от чая и кофе...

– С девочками посидим попозже, здесь, у меня... В конторе не хочется. А с остальным... Боюсь огорчить – ничего из того, что ты перечислил, не было.

– Тебе что-нибудь подарили?

– Догнали и еще раз подарили.

– Надо было самой сказать... Так, мол, и так, жду прощального подарка.

– Сказала.

– И чего попросила?

– Шаль с каймою.

– Вот только теперь я понял, что ты выживешь, – Алексей облегченно перевел дух. – Директор сделал большие глаза?

– У него таких никогда не было! – рассмеялась наконец Касатонова. – И, наверно, уже не будет.

– Слушай меня внимательно... Не знаю, как пойдут дела, но в любом случае все, что я произнес, остается в силе. Сотню долларов в месяц я тебе обещаю – на мороженое, курицу, водку и прочие соблазны жизни.

– Знаешь, Леша, с соблазнами напряг.

– А что такое?

– Они... Они исчезли. Отшатнулись.

– Так не бывает, – с преувеличенной уверенностью произнес Алексей.

– Для меня это тоже неожиданность. Ничего не хочу. Представляешь, совершенно ничего не хочу. Все имело смысл и было желанным, когда оставалось в отдалении, когда было недостижимым, запретным. А теперь... Вот они, целые шкафы с нечитанными книгами... И представляешь, рука не поднимается вынуть хотя бы одну из них, раскрыть, прочитать страницу из середины.

– Ма! – решительно перебил Алексей. – Это у тебя ломка. Ты наркоманка. Когда опытный, со стажем наркоман остается без наркотика, у него начинается ломка, его крутит, вертит, он стонет, катается по полу и горько причитает. Ты вот первый день осталась без работы, и началась ломка. Тебе надо держаться. Хочешь в Турцию на неделю? Хочешь?

– Нет. Может быть, попозже. Если не передумаешь.

– Мои слова... Ты знаешь, что такое мои слова?

– Знаю. Это кирпичи, положенные в стену на хороший цементный раствор. Из стены их уже не вынуть.

– Правильно. А с ломкой надо бороться.

– Как, Леша?

– Хлопни стакан водки.

- Уже.
- И что?
- Никакого результата.
- Хлопни еще один!
- Боюсь, результат будет несколько не тот, которого я добиваюсь.
- Тоже верно. Значит, здравость мышления тебя не покинула, к водке не пристрастилась, голос твой мне нравится... Знаешь, есть надежда. Выживешь.
- Буду стараться. Ты сейчас дома?
- Да.
- Один?
- Нет.
- Тогда спокойной ночи.
- Пока, мам. Завтра заскочу! Проведаю. Навещу.
- Будь!

Алексей был книготорговцем. Причем не лоточником, не владельцем книжной лавки, не разносчиком, нет, он, можно сказать, поднялся до оптовика. Брал в типографиях книги, невыкупленные незадачливыми издателями, договаривался с авторами, посещал ярмарки, распродажи, работал с преуспевающими издательствами, мотался по странам ближнего зарубежья, предлагая там книги, скупая, и в общем-то у него получалось, неплохо получалось. Видимо, та закалка, которую он получил от матери, позволяла ему как-то вертеться в этом сложном переменчивом мире, правильно оценивать то, что покупал, что продавал. Ошибки у него были нечасты, да и случались они в основном из-за пиратских изданий, когда рынок вдруг оказывался заваленным книгами, появившимися неизвестно откуда – без опознавательных знаков, а те издательства и типографии, которые там были указаны, оказывались ложными, попросту говоря, несуществующими. Но и в этих случаях он находил возможность выкрутиться, изловчиться и выйти из передрыг с наименьшими потерями.

Работа была живая, Алексею нравилась, и в торговых, издательских кругах он становился известным, постепенно приобретая репутацию человека надежного и обязательного. А подобные вещи рано или поздно всегда начинают приносить отдачу.

Положив трубку, Касатонова некоторое время сидела неподвижно в кресле, потом поднялась, подошла к книжному шкафу и, закрыв глаза, наугад вынула томик. Все так же не открывая глаз, раскрыла его и с опаской взглянула на правую страницу – она загадала именно правую страницу, первую строку.

– Как хороши, как свежи были розы, – вслух прочла она и, захлопнув тургеневский томик, поставила его на место. Слова были неплохими, они ей даже понравились, но в то же время чувствовалось в них что-то прощальное, уходящее, безнадежное. – Это мы еще посмотрим, это мы еще увидим, – пробормотала она и, открыв соседнюю дверцу книжного шкафа, вынула початую бутылку «Гжелки». Налив грамм сто, она посмотрела на рюмку, поколебалась, но знала, знала наверняка – налитая водка никогда не вернется в бутылку.

И выпила.

Постояла с закрытыми глазами, а когда открыла их, они были изумленными, точь-в-точь какими их видел сегодня директор Хилов.

– На прощанье шаль с каймою ты на мне узлом стяни, как концы ее, с тобою мы сходились в эти дни, – промычала Касатонова и, взглянув на часы, начала раздвигать диван, укладываться спать.

* * *

Утром Касатонову разбудили звонки в дверь. Проснувшись, она некоторое время прислушивалась – не показалось ли? Но звонки продолжались, длинные, настойчивые. Кто-то явно хотел поднять ее, невзирая ни на что.

Набросив халат и наспех затянув пояс, она подошла к двери и посмотрела в глазок. На площадке стоял хорошо знакомый ей человек – участковый, Гордюхин Николай Степанович. Он был без фуражки и пятерней пытался причесать всклокоченные, взмокшие волосы. Фуражку он, видимо, держал в другой руке, но, поскольку стоял близко к двери, ее не было видно. Касатонова поправила очки, приняла изумленное выражение лица и открыла дверь.

– Доброе утро, Николай Степанович, – сказала она до того, как участковый успел открыть рот. – Как поживаете?

– Спасибо, хорошо.

– Может быть, чайку?

– С удовольствием, Екатерина Сергеевна. Но попозже. Видите ли... у нас в доме убийство, как мне кажется... На третьем этаже.

– Вы в этом не уверены?

– Понятые нужны, Екатерина Сергеевна. А вы, я знаю, просыпаетесь рано... Я и подумал... Может, выручите, а?

– Понятые для чего?

– Чтобы присутствовать. А потом подписать протокол осмотра. Мало ли какие неожиданности обнаружатся... По-всякому бывает... Вы как-то говорили, что встаете рано... Я и подумал... Вдруг не прогоните, – Гордюхин говорил извиняющимся тоном, но ни раскаяния, ни смущения в его глазах не было. Он наконец надел свою фуражку и склонил голову набок, ожидая решения.

– Это срочно?

– Можно сказать, да... Сейчас подъедет оперативная группа из нашего отделения. Я уже поднял слесаря, наверно, придется взломать дверь. Ну и там, у двери, еще один человек, который, собственно, и заявил, что в доме... Уж не знаю, как сказать поприличнее... Лежит убитый.

– А ему это откуда известно?

– В окно заглянул.

– В окно третьего этажа?

– Там со стороны улицы строительная люлька стояла на автомобильной платформе, лампочки меняли... Он и упросил крановщика поднять его к окну... И увидел.

Касатонова колебалась недолго. И женское любопытство, и желание присутствовать при важном событии в их доме, и совершенно пустой день, который ожидал ее...

– Я могу идти в халате?

– Вполне. В любом ты, душенька, наряде хороша, – усмехнулся участковый – плотный, но подтянутый мужичок тоже где-то около пятидесяти лет.

– Взгляну на себя в зеркало и иду, – сказала Касатонова решительно. – Входите, – она пропустила участкового в прихожую, закрыла дверь и нырнула в ванную. Встряхнув короткими светлыми волосами, поправив очки и проведя бесцветной помадой по губам, она решила, что для роли понятой этого вполне достаточно. И уже выходя в прихожую, увидела на полочке у зеркала маленький фотоаппарат – обычную мыльницу, которую сегодня увидишь едва ли не в каждой квартире. Теперь, когда можно получать неплохие снимки, просто нажимая на кнопку, не думая о резкости, выдержке, ни о чем не думая, кроме картинку в

видеоискателе, многие вдруг обнаружили у себя необыкновенные фотографические способности.

– Я возьму это? – спросила она. – Вдруг пригодится?

– Вообще-то в опергруппе должен быть фотограф...

– А вдруг не придет?

– Ну что ж, возьмите... Но снимать можно только с разрешения начальника опергруппы. Хотя вряд ли он разрешит.

– Тогда я сниму вас, Николай Степанович! А вы меня.

– Это можно, – согласился Гордюхин, но с трудом согласился, видимо, что-то преодолевая в себе. Не положено было понятым иметь при себе фотоаппарат, не по правилам это. Но, подняв женщину прямо с постели, Гордюхин решил, что может пойти на это нарушение. В конце концов, командовать будет не он.

– Сколько будет понятых? – спросила Касатонова.

– Двое, – обернулся с лестницы Гордюхин – он уже начал спускаться к третьему этажу.

– А кто второй?

– Слесарь. Он там сейчас с фомкой стоит... Взломает дверь, потом приступит к обязанностям понятого.

– А это разрешается? – Захлопнув дверь и убедившись, что ключ в кармане, Касатонова пошла след за участковым.

– Все разрешается, что не противоречит закону, – Гордюхин оглянулся, протянул руку. – Прошу!

На площадку третьего этажа выходили четыре квартиры – две двухкомнатные, однокомнатная и трехкомнатная. Дверь в трехкомнатную сразу выдавала, что живут здесь не такие люди, как в остальных. Стальная, обтянутая искусственной кожей дверь выглядела изысканной, даже нарядной. Отделка надежно скрывала ее железную сущность.

– Уж не Балмасова ли это квартира?

– Балмасова, – подтвердил кто-то за ее спиной. Обернувшись, Касатонова увидела человека взволнованного и в чем-то странного. Присмотревшись, она обнаружила эту странность – он был с чемоданом. От волнения лицо у него пошло красными пятнами, он поминутно вытирал шею скомканным платком, перекладывая чемодан из руки в руку. – Мы должны были сегодня вместе с Балмасовым вылететь по делам. В Вологду. Я приехал в аэропорт – его нет. Звоню домой – телефон молчит. Объявляют посадку – его нет. Опять звоню – тишина. Лететь без него нет смысла. Он – директор. Я сюда. Звоню в дверь – никто не открывает. Стучу. Тот же результат. Выскакиваю на улицу – мужик с люлькой, лампочки на столбах меняет. Подними, говорю, к окну. За полсотни поднял. Заглядываю – Балмасов лежит на полу. Возле кресла.

– Кровь? – спросила Касатонова.

– Вроде кровь... На затылке. Звоню в милицию. Оттуда участковому дали команду.

– Может, того... Николай Степанович... Приступим? – раздался голос негромкий и какой-то зависимый.

Обернувшись, все увидели человека с хорошей такой монтировкой, сработанной из лома средних размеров. Человек был худ, небрит, улыбался как-то смазанно, виновато. Судя по всему, это и был слесарь, о котором говорил Гордюхин. Он попеременно смотрел на каждого, как бы говоря – такой вот я, граждане хорошие, прошу любить и жаловать, и как бы вы ко мне ни относились, а вот понадобился я вам, пригодился.

– Так ведь стальная дверь-то! – воскликнула Касатонова.

– Стальная, – кивнул слесарь. – Может, для кого и стальная.

– И что же ты ее – ломом?

– Знамо ломом. – Видимо, устав и уже не имея сил держать голову прямо, слесарь смотрел в пол, улыбаясь все так же без выражения, как улыбаются собаки в жару.

– И откроешь?!

– Открыть ее невозможно... – терпеливо начал пояснять слесарь. – Стальные штыри в палец толщиной. В количестве пяти штук. Никак открыть ее нельзя. Не предусмотрено технологией. Потому – сталь. Металл так называется – сталь. Так что, Николай Степанович, может, не ждать опергруппу, может, и начнем, помолясь?

– Начинай. За это время они и подъедут.

– Да как же он стальную дверь-то взломает? – не выдержала Касатонова.

– Умный в гору не пойдет, – терпеливо произнес слесарь. – Умный гору что? Обойдет. Взломать стальную дверь невозможно, милая женщина. – Слесарь поклонился со всей доступной ему галантностью. – Но вынуть ее вместе с рамой из стен, которые клали когда-то с некоторым нарушением технологии... Цементу мало было в продаже, и кроме как на стройке его негде было взять. И люди брали. А строители клали кирпичи на оставшийся цемент. И потому дверь, хоть и стальная, а вместе с рамой слегка колышется, в чем я успел уже убедиться. Мы не повредим ее, нет, она останется такой же красивой и надежной... Такой же стальной. Мы остороженько отставим ее в сторонку вместе с рамой. Тоже, между прочим, стальной. – Слесарь не торопясь завел раздвоенный конец своей громадной фомки за раму двери и, чуть поднажав, заметно вдавил ее внутрь квартиры. Зайдя с противоположной стороны, слесарь уже не вдавливал стальную раму в квартиру, он старался вытащить ее наружу. И это ему тоже удалось. Посыпался сухой песок, известь, крошки раствора. Дверь явно поддавалась рукам умелым и опытным. – Это ведь не первая моя стальная дверь и не вторая. – Слесарь обернулся к стоявшим за его спиной людям и улыбнулся, показав, что зубы у него далеко не все, да и оставшиеся находятся не в лучшем состоянии. Видимо, вспомнив об этом, он спохватился и снова обернулся к двери.

– Ах, как нехорошо, как нескладно все получилось! – простонал красномордый с чемоданом. – Ведь мы уже были бы с Балмасовым на месте, уже дело бы делали!

Касатонова изумилась, услышав эти слова, и, широко распахнув свои глаза, повернулась к красномордому.

– А где бы вы уже были? – спросила она.

– В Вологде! Лес мы там должны были закупить для нашей мебельной фабрики! Все согласовано, договорено, завязано! Осталось бумажки подписать! Там уж столы, наверно, накрыли! – красномордый горестно покачал головой.

– Пить собирались? – уточнила Касатонова.

– Праздновать! – поправил ее красномордый. – Отметить подписание договоров с местным леспромхозом. Я глядь в окно – лежит, и кровь на затылке. – И он снова комком, в который превратился его носовой платок, начал протирать шею под затылком.

– Вы уверены, что он мертв?

– Живые так не лежат, – ответил красномордый.

– Как вас зовут? – спросила Касатонова, чуть понизив голос, придав ему легкую хрипотцу и подпустив немного, совсем немного, тайны.

– Леня, – ответил красномордый и тут же спохватился: – Леонид Валентинович Цокоцкий.

– Цокоцкий?

– А что вас удивляет?

– Ничего, я повторила, чтобы лучше запомнить. Красивая фамилия, мне нравится.

– А вы, простите?

– Касатонова.

В это время дверь поддалась и, если бы Гордюхин вовремя не подставил мощное свое плечо, могла бы рухнуть всей своей тяжестью прямо на площадку. Вместе со слесарем они удержали дверь в вертикальном положении, потом развернули и прислонили к стене. Вход в квартиру был открыт.

Первым туда бросился Цокоцкий.

– Прошу прощения. – На его пути встал Гордюхин. – Чуть попозже... Сейчас приедет опергруппа... Вот они, кажется, остановились во дворе... Только после них. Извините.

– Может быть, ему нужна помощь?! А если он еще жив?! Так же нельзя!

– Да? – Гордюхин склонил голову набок, подумал, прислушался к звукам во дворе, потом блуждающий его взгляд остановился на Касатоновой. – Екатерина Сергеевна... Вы все-таки участница осмотра места происшествия... Загляните, пожалуйста, в квартиру. Может быть, товарищ прав, и мы можем оказать помощь соседу.

– А вы?

– Ну что ж, пойдемте вместе. А вас я прошу оставаться на площадке, – обернулся он к слесарю и Цокоцкому. – Если появятся любопытные – пресекать, – Гордюхин кивнул на приоткрытые двери других квартир. И шагнул внутрь. Касатонова опасливо прошла вслед за ним в прихожую. – Ни к чему не прикасаться! – предупредил Гордюхин.

– Поняла.

– Повторяю – ни к чему! Выключатель, дверные ручки, стены, полки, зеркала!

– Поняла, Николай Степанович.

Пройдя в комнату, Гордюхин остановился. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться – Балмасову уже ничто не поможет. Достаточно плотный, можно даже сказать, мясистый человек лежал на ковре в распахнутом халате, обнажив волосатую грудь. Струйка крови вытекала из-под затылка, скорее всего, именно туда был нанесен удар, выстрел или что там еще, от чего умирают такие вот мощные люди.

– Давайте-ка сюда свою машинку. – Не обращая внимания на слабое сопротивление Касатоновой, Гордюхин взял у нее из рук фотоаппарат, довольно быстро в нем разобрался и сделал не менее десятка снимков – лежащий у кресла человек с зажатым в руке пультом управления телевизором, пустой журнальный столик, задернутые шторы с едва заметной щелчкой между ними, посуда в шкафу, рюмки в серванте. Он даже сделал снимки, которые показались Касатоновой совершенно излишними, – раскрыв дверцу бара, снял все его содержимое.

– Видимо, хотел включить телевизор, но так и не успел, – Касатонова показала на пульт, зажатый в мертвой руке.

– Возможно.

– Есть другое объяснение?

– Все может быть, – пожал плечами Гордюхин, и эти слова задели Касатонову; видимо, множество прочитанных детективов без начала и без конца убедили ее в том, что криминальные загадки вполне ей по плечу.

– Вы со мной не согласны? – повернула она к участковому изумленное свое лицо.

– И да, и нет.

– Поясните, Николай Степанович!

– Могу. – Гордюхин, не торопясь, сделал еще несколько снимков. Даже в туалете не поленился щелкнуть не то два, не то три раза. «Плакала моя пленка, – подумала Касатонова. – Все тридцать шесть кадров отщелкает, разоритель».

– Мы зашли сюда и убедились – свет выключен. Он что, в полной темноте вечером сидел? И убийство произошло в полной темноте? На столе ни фига, видите? Так не бывает. Когда придете домой, взгляните на свой стол – так не бывает.

– Зажигалка вот лежит...

– Зажигалка не в счет. Она только подчеркивает пустоту и чистоту стола. Телевизор выключен, а пульт в руке... Так не бывает. Мужик лежит в халате почти на голое тело... Значит, встречал близкого человека, постороннего не ждал.

– Вывод? – спросила Касатонова.

– Здесь уже после убийства кто-то хорошо поработал.

– У него телефон с определителем...

– Не прикасаться! – как от боли вскрикнул Гордюхин. И тут же, направив аппарат на телефон, щелкнул, причем два раза щелкнул, опять заставив Касатонову пожалеть о пленке, а пленка, между прочим, сто рублей стоит, подумала она. – Только специалист из опергруппы. Нужно знать систему этого определителя.

– У меня такой же. Нажимайте вторую кнопку из правого ряда, и он вам выдаст все телефоны, с которых ему звонили последние сутки.

– Очень хорошо, – рассудительно проговорил Гордюхин. – Специалист это, надеюсь, знает. Если не знает, вы ему подскажите. Ему, а не мне. Я – темный.

– А я?

– Вы посторонняя.

– Я – понятая.

– Значит, ваша задача сидеть в сторонке, все видеть, все слышать, при всем присутствовать, а в конце внимательно прочитать протокол и подписать. Если все в нем изложено в полном соответствии с вашими впечатлениями. – Гордюхин подмигнул, чтобы смягчить назидательность своих слов.

В это время из коридора послышались голоса, в комнату вошли несколько человек и, судя по их уверенному поведению, вошли по праву – это и была опергруппа, которую дожидался Гордюхин. Началась обычная работа, которая в таких случаях и бывает. Фотограф, прибывший вместе с оперативниками, включил свет, отдернул шторы, чтобы снимки получились получше, в сторонке на диване расположились Касатонова со слесарем. Он улыбался терпеливо, снисходительно, как бы прощая всех присутствующих за бестолковое их поведение. Мордатый мужик с чемоданом, тот самый, который первый ударил в колокола и сообщил о смерти Балмасова, тоже вошел, бросился к убитому, замер на какое-то время. Все так же не выпуская чемодана из рук, отошел к окну и отвернулся, не в силах смотреть на происходящее.

Капитан окинул взглядом комнату и почему-то сразу выделил Цокоцкого.

– Убахтин, – представился он, протягивая руку. – Это вы звонили в милицию?

– Я звонил.

– Как узнали об убийстве?

– В окно заглянул.

– Так, – Убахтин подошел к окну и посмотрел вниз, на улицу. – В окно заглянули?

– Видите, вон электрик на люльке лампочки меняет? – Уловив в глазах капитана сомнение, Цокоцкий решил пояснить все еще раз. – Вот он и поднял меня к окну на своем приспособлении. Пятьдесят рублей, между прочим, содрал. Можете у него спросить, думаю, не откажется подтвердить. К самому окну подвел свою люльку.

– Так, – вопросов в глазах капитана не стало меньше. – Допустим. А почему вы решили заглянуть в окно?

– Видите мой чемодан? – Цокоцкий поставил на свободное пространство у дивана небольшой чемодан. – Видите? Это мой чемодан, – видя, что ему не верят, он начал нервничать. – Видите мой чемодан? – спросил он капитана уже, наверно, в десятый раз.

– Вижу.

– Ну вот! – воскликнул Цокоцкий. – Я и говорю!

– Слушаю вас, – тоже растерянно произнес Убахтин, не понимая, что хочет сказать щекастый гражданин.

– С этим товарищем, – Цокоцкий показал на труп, – мы должны были сегодня лететь в командировку. Встретиться договорились в аэропорту. Я приехал, а он нет. Не смог. Как видите, по уважительной причине.

– Согласен, причина уважительная, – кивнул капитан, не спуская глаз с Цокоцкого.

– Объявили регистрацию, объявили посадку, объявили об окончании посадки, а его нет. Он шеф. Босс. Директор, другими словами. Лететь без него нет смысла. У него право подписи. А право подписи – это, я вам скажу...

– Знаю. Дальше.

– Самолет улетел в Вологду, а я остался. Балмасова нет. Звоню. Телефон молчит. Думал, что он спит, может... Ну, бывает, чего уж там, дело прошлое... Он мог поддать вечером. Думаю, перебрал и заснул. Звоню – тишина. Я сюда. Дверь никто не открывает. Выхожу на улицу – люлька. Я мужику пятьдесят рублей...

– Он взял? – серьезно спросил Убахтин.

– Взял. Двумя руками сразу. Сотню просил, сторговались на пятидесяти. Вот, – Цокоцкий показал пятна извести и цемента на штанинах. – Видите? Нет, вы скажите! Видите?

– Вижу.

– Люлька у него оказалась грязная, выпачкался весь.

– Понял, – наконец кивнул капитан – тощий, жилистый, подозрительный, с тягучим, неотрывным взглядом. Даже отходя от человека и вроде отворачиваясь, взглядом своим он его не отпускал, как бы проверяя – а как тот поведет себя, какое выражение примет его физиономия, когда чуть отвернуться от него, отойти на несколько шагов? Не проявится ли нечто уличающее, разоблачающее в намерениях подлых и преступных? – Понял, – повторил Убахтин, глядя на Цокоцкого уже из-за плеча.

– Как только до меня дошло, что случилось нечто ужасное, я сразу к телефону.

– Какому?

– Мобильному. Вот этому, – Цокоцкий выхватил из кармана маленькую черную коробочку и повертел у капитана перед глазами, как вертят дети друг перед дружкой красивой конфетой.

– А сам? – спросил Убахтин.

– А сам к дверям. Вот тем, которые этот мастер, – он кивнул на слесаря, – высадил перед самым вашим приходом. Первым подошел участковый. Это, наверное, вы ему перезвонили.

– Саша, – обратился капитан к одному из оперов, – запиши данные этого гражданина и отпусти с миром.

– А чего записывать, вот моя визитка! – отработанным жестом фокусника Цокоцкий вынул из кармашка визитку и вручил ее капитану.

– Запиши, Саша, – повторил капитан. – И пусть идет.

– Я могу обо всем случившемся сказать в коллективе? – спросил Цокоцкий, несколько обиженный последними словами капитана, бесцеремонными они ему показались, будто его попросту выпроваживали из квартиры.

– Нет возражений. Страна должна знать своих героев.

– Не понял? – дернулся Цокоцкий.

– Я имел в виду... – Убахтин помялся, ничуть не смутившись. – Что вам выпала сегодня активная роль. Вы хорошо себя проявили, не растерялись. Бывает ведь всякое. Теперь вам есть что рассказать в конторе, – Убахтин усмехнулся, показав большие прокуренные зубы. – Мы еще встретимся, – успокоил он Цокоцкого.

– Здесь я вам больше не нужен?

– Нет, можете идти, – опять произнес капитан обидные слова, но Цокоцкий уже, похоже, привык к тому, что у того других нет. Продиктовав оперу свои данные, он подхватил чемодан и, ткнувшись в одну сторону, в другую, неожиданно оказался перед убитым. Перешагнуть через Балмасова он не решился, пошел в обратную сторону. Обойдя вокруг журнального столика, Цокоцкий вдруг споткнулся о складку ковра, но успел вовремя опереться о столик, чуть ли не упав на него грудью. В прихожую он вышел несколько церемонно, с высоко вскинутой головой, как бы желая подтвердить свое затронутое достоинство.

– Что-то я нигде не вижу папирос? – раздраженно спросил Убахтин. – Пепельница есть, а папирос нет.

– Балмасов не курил, – сказал Цокоцкий. – А пепельницу держал для гостей.

– Да-а-а? – удивился следователь. – Это хорошо. Курить – здоровью вредить. – Он хотел было еще что-то добавить, но, взглянув на труп, осекся – шутка оказалась не очень удачной.

– Вы мне позволите зайти на кухню выпить стакан воды? – спросил Цокоцкий.

– Даже два, – усмехнулся капитан.

– Спасибо.

Цокоцкий свернул в коридорчик, ведущий на кухню, взял на полке стакан, открыл холодильник, вынул початую бутылку минеральной воды, наполнил стакан и залпом выпил. И уже поставив бутылку снова в холодильник, вернув стакан на подвесную полку, уже направившись к выходу, он увидел, что все это время, высунув голову из-за поворота, за ним внимательно и улыбочиво наблюдает Убахтин.

– Вы боялись, что я унесу бутылку с собой? – спросил Цокоцкий.

– На визитке, которую вы оставили, есть телефон вашей конторы?

– Наша контора называется мебельной фабрикой.

– О ней я и спрашиваю.

– Есть. Там все есть.

– Я буду у вас сегодня. Хорошо, если бы все сотрудники оказались на месте.

– Все будут на своих местах, – заверил Цокоцкий уже из дверного провала.

* * *

А дальше все происходило достаточно скучно. Касатонова со слесарем молча сидели на диване, рядом пристроился Гордюхин, которому никакого дела в работе оперативной группы попросту не нашлось. Повертев в руках касатоновский фотоаппарат и не найдя ему ни одного кармана на кителе, он положил его на полку серванта. Плотноват был Гордюхин, и пора ему было уже сменить китель на более просторный, но участковый, видимо, еще не осознал перемены своего размера. Ежедневно втискиваясь в привычный китель, он, видимо, надеялся выглядеть моложе и стройнее.

Прибывший вместе с группой фотограф исправно щелкал громадным глазастым фотоаппаратом, как заметила Касатонова, тоже не жалея пленки. Пленка у него была казенной, и жалеть ее в самом деле не было никакого смысла. Он включил свет, так что под потолком вспыхнули шесть лампочек люстры, пошире раздвинул шторы, впуская в комнату солнце, даже гардины отбросил в сторону, и, конечно же, снимки у него должны были получиться куда лучше, чем у Гордюхина.

– Что отпечатки? – спросил Убахтин у эксперта, который все это время молча и сосредоточенно передвигался по квартире с какой-то пушистой кисточкой и коробочкой с порошком.

– Странно, Юрий Михайлович, очень странно... Ни единого отпечатка. Ни на дверных ручках, ни на посуде, ни на пепельнице. Понимаете, хозяин курил, хорошо так курил, пепла кругом полно...

– Балмасов не курил, – сказал Убахтин. – Это точно. Курили его гости. Для них и пепельница.

– Но все равно на ней нет ни единого отпечатка. Хозяин пил, это просматривается... А бутылки, даже початые, без отпечатков!

– А так бывает? – усмехнулся капитан.

– В жизни так не бывает. Только в смерти.

– Что в туалете?

– Чистота.

– На кухне?

– Все вымыто, все на местах. Как в гостиничном номере до заселения постояльца.

– Рюмки?

– Влажные. Смотрите, что получается. – Эксперт, молодой очкастый парень, прошел в угол. – Бар у него крутой, хотя качество исполнения невысокое. Может быть, его собственная мебельная фабрика и произвела на свет это сооружение. Здесь есть такое проволочное приспособление, которое позволяет рюмки хранить подвешенными вверх ногами, видите? Вот висят фужеры, вот крупные рюмки, вот еще для каких-то, видимо, особых напитков...

– Для коньяков, – подсказала Касатонова.

– Возможно. Так вот, крайние, ближайšie... Мокрые. Поскольку они были подвешены вверх ногами, за ножки, то влага на донышках за ночь высохнуть не успела. Пили здесь вчера вечером. И из маленьких рюмок, и из тех, что побольше... И пили, и закусывали.

– Что, на рюмках остатки закуски?

– Остатки закуски в мусорном ведре. На кухне.

– Чем закусывали?

– Красная рыба, сырокопченая колбаса, конфеты, маслины, лимоны, виноград...

– Какой-то женский набор, – пробормотал капитан.

– И по уборке чувствуется женская рука.

– Значит, в убийстве принимала участие баба, – подал голос Гордюхин. – Хотя я в этом сомневаюсь.

– А в чем ты не сомневаешься? – обернулся капитан к участковому.

– Мужик к нему заходил. Мужик. Отоварился в ближайшем магазине, принес все упакованное – рыба, маслины, колбаса... И посидели. Баба здесь ни при чем. Уж больно круто все проделано.

– Хорошо, – кивнул Убахтин. – Пусть так. Хотя у него в холодильнике как раз все упакованное – та же рыба, колбаса... Принимается. Посидели, поддали. Дальше?

– Что было дальше, кажется, даже я могу сказать, – неожиданно для себя проговорила Касатонова.

– Слушаю вас, милая дамочка.

– Я не дамочка, – Касатонова изумленно посмотрела на капитана. – Меня зовут Екатерина Сергеевна.

– Все равно слушаю.

– Посидели, поддали, – после легкой заминки продолжила Касатонова. – Потом гость отлучился в туалет, привел в боевую готовность свой пистолет, револьвер, наган... Не знаю, из чего он там стрелял. И, подойдя сзади к хозяину, который в это время прыгал по каналам телевидения, выстрелил в затылок. Пока хозяин в предсмертных судорогах колотился об пол, он привел стол в порядок.

– И? – капитан с интересом смотрел на Касатонову.

– И был таков.

– А за что его убили? Что вам подсказывает ваша женская логика? Ваша женская интуиция?

– Он был директором мебельной фабрики. Мне кажется, здесь копать надо, – Касатонина ловко ввернула криминальное словечко, и эта ее дерзость не осталась незамеченной.

– Копать? – весело удивился Убахтин. – Ну, что ж... Будем копать. С вашего позволения. Что с телефонами? – Он обернулся к технарю, который возился с определителем.

– Есть телефоны, – парень протянул капитану список снятых с определителя номеров.

– Ого! – воскликнул капитан. – Напряженная жизнь была у Балмасова. Четырнадцать звонков за вечер.

– Может, за весь день? – уточнила Касатонина.

– Так ведь тут же и время указано.

– Позвольте взглянуть?

– Зачем? – удивился Убахтин.

– Любопытно.

– Есть мысль?

– Есть.

– Ну, что ж... Взгляните. – Он протянул листок Касатониной, остановился рядом и не сводил с женщины глаз, будто по выражению лица хотел определить, что за мысль возникла в этой головке за сверкающими очками, за изумленными глазами и светлыми волосенками. Но Касатонина была совершенно невозмутима – она пробежала взглядом по столбцу цифр и вернула листок капитану.

– Это все телефоны или только те, которые удалось определить?

– Все, – ответил эксперт. – Там, где телефон не определен, стоит прочерк.

– Вы удовлетворены? – спросил Убахтин.

– Да.

– Ваша мысль подтвердилась?

– Скажем так... Укрепились.

– Поделитесь?

– Пока воздержусь.

– Но когда мысль созреет, вы обязательно со мной поделитесь, да? – Убахтин смотрел на Касатонину цепко, настойчиво, исподлобья.

– Обязательно.

– Ну и хорошо, – уже с некоторым равнодушием произнес капитан, и даже по его интонации нельзя было понять – то ли ему действительно важно было знать, о чем подумала эта дамочка, то ли он просто забавлялся. А может, приставал?

– Уж коли у нас с вами установлен прочный деловой контакт, – Касатонина воспользовалась паузой и заговорила снова, – то, может быть, вы позволите мне сходить в туалет? Второй час сидим... Я, конечно, извиняюсь.

– Саша, – обернулся капитан к эксперту, который все еще бродил по квартире со своей пушистой кисточкой, напоминающей беличий хвостик, – ты уже был в туалете?

– Да, все в порядке. Там такая же чистота, как и везде.

– Не возражаю, – чуть заметно поклонился Убахтин.

– Спасибо. – И Касатонина, выйдя из комнаты, свернула в коридор, который вел на кухню. Войдя в туалет и заперев за собой дверь, она осмотрелась. Туалет был совмещен с ванной. Когда-то здесь была стенка, но ее убрали. Нынче так поступают многие. Вдруг обнаружилось, что раздельный туалет не такое уж великое благо, как когда-то казалось. При перенаселенной квартире, в коммуналке – да, это необходимо. Но если в квартире живут двое, трое, даже четверо, в подобном разделении нет никакого смысла. А польза есть – когда убирается разделяющая стенка, ванная вдруг становится не просто большой, а почти громадной, в ней есть место, чтобы потянуться, развести руки в стороны, можно втиснуть шкаф для стопки полотенец, поставить стиральную машину, повесить на стенку громадное зеркало.

Балмасов так и поступил.

В образовавшемся простенке были установлены стеклянные полки со всевозможными флакончиками, видимо, любил он при жизни запахи, кремы, одеколоны и прочие парфюмерные подробности. Взглянув на себя в большое, в полстены, зеркало, Касатонова, в общем, осталась довольна. Прическа, конечно, была слегка всклокочена, но это придавало ей вид молодой и даже слегка взбалмошный. Теперь она понимала, почему капитан так послушно откликнулся на ее просьбы, явно выходящие за пределы прав понятой.

Но как ни всматривалась Касатонова, как ни разглядывала ванную, ничто не привлекло ее внимания. Она была разочарована. Все-таки оставалась надежда увидеть здесь хоть что-нибудь, говорящее о хозяине, о его образе жизни, о том, что же все-таки произошло вечером, когда она стояла на балконе, наслаждаясь сигаретой и дождем, шуршащим по пластмассовому навесу.

В последней надежде, прежде чем выйти, она заглянула в унитаз, в самое-самое его нутро, куда и заглядывать-то неприлично. И тут ее поджидала маленькая неожиданность – в кружочке воды плавало нечто совершенно неприметное, коричневое, корявенькое. Касатонова не была брезгливой. Жизнь, которую она прожила на севере, на Сахалине, на каком-то химическом комбинате, надежно избавила ее от этого недостатка или достоинства – пусть каждый понимает, как ему угодно. Наклонившись к самому унитазу, она убедилась, что это было совсем не то, что подумал эксперт, если он, конечно, нашел в себе силы заглянуть в это срамное место. Взяв из стакана зубную щетку, она теперь вряд ли понадобится хозяину, Касатонова бестрепетно подцепила ею это нечто плавающее. И, поднеся поближе к свету, убедилась – окурочек. Остаток от тоненькой коричневой сигаретки – нынче в продаже появились и такие, дороговатые они, правда. Это был не обломок сигареты, а именно окурочек сантиметра два длиной. То есть сигарету кто-то курил достаточно долго и неторопливо. А бросили окурочек в унитаз совсем недавно, не раньше вчерашнего вечера, потому что если бы он был брошен давно, то, намочнув, пропитавшись водой, стал бы тяжелым, и его смыло бы водой при первом же...

В общем, понятно.

И Касатоновой открылось – вчера кто-то сгрел со стола, из пепельницы, с тарелок все легкое, бумажное и, сбросив в унитаз, спустил воду. Но как и всегда бывает в таких случаях, какая-нибудь мелкая бумажка, тот же окурочек, не смывается потоком воды и остается плавать на поверхности.

Значит, вечерняя уборка все-таки была.

Значит, долгая неторопливая беседа с гостем тоже состоялась.

Вполне возможно, что и предварительная договоренность была... По телефону, номер которого остался на определителе и теперь записан на бумажке, спрятанной в кармане капитана Убахтина.

– Ну и фамилия – Убахтин! – пробормотала Касатонова. Оторвав от рулона кусочек туалетной бумаги, она завернула в него окурочек и сунула в карман халата. Зачем? Наверно, она и сама не смогла бы ответить. Но только пришло вдруг ощущение, что ее обязанности понятой на этом не закончатся, и кто знает, кто знает, может быть, она перестанет быть безгласным свидетелем, который все увидит, все услышит, а потом, так и не проронив ни единого звука, подпишет бумажки, которые подсунет все тот же Убахтин.

Кто знает...

Взглянув еще раз на себя в зеркало, Касатонова резко крутнула головой, взбадривая прическу, да так и не прикоснувшись к волосам руками, вышла из туалетной. Встретившись с насмешливым убахтинским взглядом, она прочла вопрос в его глазах: «Ну как, все в порядке?»

И ответила:

– Да, все в порядке.

Оглядев комнату, Касатонова убедилась, что за время ее отсутствия ничего не изменилось. Фотограф, сделав свое дело, скучал у телевизора, эксперт с беличьим хвостом посрамленно оглядывал комнату – что бы еще посыпать порошком, где бы еще поискать отпечатки пальцев, слесарь тихо спал, откинувшись на мягкую спинку дивана, капитан Убахтин быстро писал протокол. А что писать-то? Поиски следов закончились безрезультатно, разве что телефонные номера...

И тут взгляд Касатоновой остановился на собственном фотоаппарате, который часа два назад участковый положил на полку. За это время о нем все благополучно забыли, и Касатонова, воспользовавшись тем, что Гордюхин в очередной раз вышел на кухню выпить воды, сунула свою мыльницу в безразмерный карман халата. Откровенно говоря, халат был ей великоват – сын подарил, поскольку ему самому этот халат был явно мал.

Дальше все происходило быстро, скорбно и почти без слов. Вызванные капитаном санитары погрузили труп на носилки и, побряхтывая, вынесли к машине. Убахтин растолкал слесаря и дал ему подписать протокол, поставила свою подпись и Касатонова. Потом Гордюхин, капитан и слесарь поставили дверь на место, кое-как закрепили, приклеили бумажку с печатью, и Касатонова с чувством исполненного долга направилась на свой пятый этаж.

– Как вам понравилось быть понятой? – спросил Убахтин, когда она поднялась на несколько ступенек.

– Восторг!

– Когда-нибудь я опять приглашу вас в качестве понятой.

– Интере-е-сно! Чем же это я привлекла ваше внимание?

– У вас активное отношение к происходящему. Обычно понятые скучают, обсуждают телевизионные новости, спрашивают, когда им можно уходить, нельзя ли протокол подписать заранее... И так далее. Можно вопрос на засыпку?

– Люблю вопросы на засыпку.

– Что вас интересовало в списке телефонов? Может быть, какой-то номер вам знаком?

– Нет, моя мысль глубже. Адреса всех этих телефонов, их хозяев вы установите без труда. Надеюсь, это принесет пользу, и вы найдете убийцу. А если не найдете – обращайтесь. Николай Степанович, – она кивнула в сторону участкового, – знает, как меня найти.

– Вас-то мы найдем, нам бы преступника найти.

– Ищущий да обрящет! – Подняв руку, Касатонова поприветствовала всех, попрощалась и заторопилась по лестнице вверх, пока Гордюхин не вспомнил про ее мыльницу.

* * *

Снимки вышли на удивление удачными. Касатонова получила их уже на следующий день и, прибежав домой, едва сбросив туфли, тут же уселась к столу рассматривать цветные глянецовые открытки. Видимо, Гордюхин кое-что понимал в фотографии – все кадры грамотно выстроены, в каждом было нечто главное, каждый нес информацию о случившемся. Нет, он не зря щелкал так часто – ни одного повторяющегося кадра Касатонова не обнаружила. Даже похожие снимки все-таки были различны – то, что отсутствовало в одном, обязательно было на первом плане во втором.

И она снова как бы перенеслась в квартиру незадачливого соседа, который пытался отгородиться от всех опасностей жизни стальной дверью, а был убит, скорее всего, своим же человеком, которого сам впустил в дом, с которым и провел последний вечер своей жизни. А после убийства тот спокойно и деловито, перешагивая через остывающий труп хозяина, занялся тщательной и неторопливой уборкой, уничтожением собственных следов – отпечатки пальцев, окурки в пепельнице, рюмки на столе, посуда на кухне.

– А я в это время стояла на балконе и слушала дождь, – неожиданно для себя проговорила Касатонова вслух и, оторвавшись от снимков, уставилась в стену. – И ничто во мне не вздрогнуло, никакой голос не прозвучал, не сообщил о кошмарных событиях, происходящих на два этажа ниже. А говорят, цветы вскрикивают, когда входит в комнату нехороший человек, который обрывает листья, бросает окурки в горшок, сливает туда остатки вина или пива. Говорят, куриные яйца вскрикивают, когда в соседней комнате жарят яичницу. Значит, те, на сковородке, посылают сигналы бедствия, а эти, в уютном лукошке, их сигналы воспринимают и тоже орут от ужаса. А во мне ничего не заорало, ничего даже не пискнуло... А может быть, что-то визжало, но я не услышала?

Надо же, спасался за стальной дверью, обшитой искусственной кожей... А запор-то оказался дурацкий – полупьяный слесарь скovyрнул эту тяжеленную дверь обычной фомкой без видимых усилий, без всякой подготовки, заранее уверенный, что все у него получится.

А мы-то все прячемся, а мы-то все возводим вокруг себя какие-то, как нам кажется, непробиваемые, непроницаемые, непроникаемые стены! Оставаясь при этом совершенно беззащитными. Нам почему-то кажется, что опасность придет именно с той стороны, откуда мы ее ждем, когда ждем, и заключаться эта опасность будет в том, в чем мы предполагаем. Боимся воды, а гибнем в огне, опасаемся собак, но проваливаемся в пропасть, стараемся не летать на самолетах и гибнем от пули. Сооружаем стальную дверь с огнеупорными прокладками и сами же эту дверь открываем, чтобы впустить в дом убийцу!

Глупые, глупые, глупые люди!

А сколько самомнения!

В космос они, вишь ли, устремились! Здесь, на земле, они, вишь ли, во всем разобрались, все переделали, всему дали свои названия, нашли каждому предмету свое место.

– Ха! – сказала, не рассмеялась, а именно сказала Касатонова и снова принялась перебирать снимки. Их оказалось около двух десятков, и все они получились четкими, резкими. Вот несчастный Балмасов с простреленной головой, и черноватая струя крови, уже застывшей крови, впиталась в ковер, добавив к его узорам еще один виток. Крови было немного, впрочем, Касатонова не знала, сколько ее в таких случаях должно быть, и на эту подробность не обратила внимания. Это была забота экспертов, и пусть они проводят баллистические свои заковыристые экспертизы и уточняют, каким путем шла пуля, куда вошла и где вышла.

Вот бликующая поверхность журнального столика, в которой отражается золотистая зажигалка, узкий просвет между шторами, затянутый гардинным полотном, барная стойка с подвешенными рюмками и фужерами, вот этот же кадр, но гораздо крупнее, и если приглядеться, то можно увидеть в крайней рюмке повисшую на краю капельку воды, надо же, не успела высохнуть.

– А почему она не высохла? – задала себе вопрос Касатонова и тут же ответила: – А потому она не высохла, что была холодная, дождливая ночь, воздух влажный, а рюмка вымыта достаточно поздно, уже ближе к полуночи... К полуночи? – переспросила она себя и тут же мысленно унеслась во вчерашний вечер, когда она, стоя на балконе, зябко куталась в старый растянутый свитер, который за ненадобностью опять же спихнул ей любимый сыночек.

Это она умела, этим она обладала – переноситься в прошлое, на сутки, на двое, на неделю и вспоминать слова, прозвучавшие в воздухе, лица, мелькнувшие перед ней, какие выражения были на этих лицах, каким таким смыслом были наполнены взгляды...

Она вспомнила – смех под грибками в детском саду, постепенно гаснущие окна, проносящиеся по шоссе машины со смазанными дождем фарами, а потом... Потом был хлопок двери, и из-под навеса быстрым легким шагом вышла женщина... Да, вышла женщина в светлом плаще и под темным зонтиком. Впрочем, в таких условиях почти каждый зонтик может показаться темным – синий, зеленый, красный, коричневый. И пошла эта женщина

не налево к автобусной остановке, а направо. Да, она свернула направо. Туда, где идти не совсем удобно, где нет остановки, а выщербленный асфальт наверняка в это время залит водой. А в просвете между домами была видна машина, стоящая машина с включенными габаритными огнями. Они так слабенько отражались в мокром асфальте, создавая картину печальную, но приятную.

Итак, повторим, мысленно приказала себе Касатонова. Хлопнула дверь подъезда, сильно хлопнула, там новую пружину недавно поставили. Жильцы уже знали о коварстве этой пружины и всегда дверь придерживали, потому что хлопок был неприятен по звуку, а кроме того, неосторожного человека дверь могла попросту поддать, может, и не больно, но неожиданно и потому тоже неприятно. Жильцы очень быстро привыкли к этой двери и всегда придерживали. А тут хлопок был достаточно сильный, дверь женщина не придержала.

Вывод?

Она была гостьей в доме, здесь не жила. А если и бывала, то не часто, к своему следующему приходу успевала забыть подлый характер входной двери и опять получала шлепок под зад.

Так, хлопнула дверь.

Потом шуршащий хлопок зонта.

Потом она показалась на свету, вышла из-под навеса и пошла не налево. Она пошла направо. Хотя ей удобнее было бы пойти налево – и асфальт в порядке, и автобусная остановка у самого дома, и ветки деревьев, которые немного, но все-таки спасают от потоков дождя. А направо разбитый асфальт, в котором лужи... В такую погоду их глубина достаточна для того, чтобы туфли наполнились водой.

Но женщину это не смутило.

Может быть, она просто не знала, куда идет?

Нет, знала, потому что ни секунды не сомневалась, куда ей свернуть. В новом месте человек обязательно замнется, посмотрит в одну сторону, в другую, подождет – не появится ли жилец, который подскажет, посоветует... Нет, никаких колебаний у женщины не было. Она раскрыла зонтик и легкой походкой, не бегом, нет, быстрым шагом свернула направо.

А чего ей там делать-то?

Нечего ей там делать. Все равно придется свернуть еще раз направо и еще раз, чтобы все-таки выйти к автобусной остановке. Время-то позднее, да и погода не для прогулок, чтобы идти целый автобусный пролет.

Хотя нет, все правильно... Там же стояла машина с зажженными подфарниками. Ждал ли ее там кто-нибудь? Может быть. А почему ждал? Почему вместе с ней не вошел в дом? Касатонова стояла на балконе достаточно долго, около часа. Да, она продрогла, вошла в квартиру, взяла свитер, снова вышла на балкон, баночка из-под каких-то консервов чуть ли не доверху была полна окурков. Чтобы столько окурков... Это больше часа. И все это время кто-то ее ждал?

Вряд ли.

Скорее всего, никто ее не ждал. Машина стояла пустая. Никто не будет женщину ждать так долго в машине под дождем. Мужик проедет двести метров и зайдет в кафешку, выпьет кофе, пива, посидит в тепле, выкурит сигаретку, перебросится словом... Нет, он не будет ждать ее так долго. Если в этом нет какого-то злого умысла, – подвела итог своим рассуждениям Касатонова.

И в этот момент зазвонил телефон.

– Слушаю! – сказала она.

Звонил Гордюхин.

– Екатерина Сергеевна? Здравствуйте. Гордюхин моя фамилия. Участковым работаю.

– До сих пор?

– Пока терпят... Я вот чего... Мы тут снова были на месте преступления, снова осматривали, искали.

– Нашли?

– Честно говоря, результат тот же... Кто-то очень хорошо поработал до нас. Кстати... Вашего фотоаппарата я там тоже не нашел. Когда мы уходили, он оставался на полке.

– Может, слесарь спер?

– Да не должен, он вроде ничего мужик.

– Потому и спер, – с преувеличенной уверенностью сказала Касатонова. – Когда будете у него обыск проводить, я согласна быть понятой. У меня хороший опыт.

– Признавайтесь – прихватили свой фотоаппарат?

– Не оставлять же мне его в квартире, залитой кровью невинной жертвы.

– А я уж было забеспокоился, – Гордюхин облегченно перевел дух. – Вроде взял, а не вернул. Ладно, обошлось и хорошо.

– Эти снимки вам вряд ли понадобятся? – Касатонова придала своему голосу сложную интонацию, нечто между вопросом и утверждением, но Гордюхин ответил легко, не задумываясь.

– Да, эксперт был со своим сверхмощным аппаратом. Думаю, он сумел ухватить больше подробностей, чем ваша мыльница. Я ведь и снимал только потому, что не был уверен, что они с фотографом приедут. А раз прибыли в полном комплекте, то все и уладилось. Как впечатления? Вы ведь впервые исполняли обязанности понятой?

– Крутовато для первого раза, но ничего... Спала нормально. Уже есть успехи?

– Какие успехи, – безнадежно проговорил Гордюхин, и Касатонова, кажется, даже увидела, как он, сидя в своем кабинете, махнул рукой. – Следов никаких, зацепок нет, сам никто с повинной не пришел. Остается одно – искать, как говорится, умозрительно – не было ли врагов, не угрожал ли кто, не пытался ли совершить убийство до этого случая... Ну, и так далее. Среди своих искать надо – знакомые, приятели, соратники, соратники.

– Женщины, – подсказала Касатонова.

– Вы имеете в виду образцовую уборку? Вряд ли... У женщин, как мне кажется, другой способ сведения счетов. И потом, тут не месть, тут другое...

– Передел собственности?

– Что-то в этом роде. На фабрике надо искать концы.

– То есть заказное убийство?

– Екатерина Сергеевна, – усмехнулся Гордюхин, – где вы набрались таких слов? Как вам удастся произносить их столь легко и непосредственно? Вы побыли два часа понятой, а кажется, всю жизнь проработали в уголовном розыске.

– А знаете, Николай Степанович, если неделю посидеть у телевизора и посмотреть криминальную хронику... И все. Этого вполне достаточно. А ведь есть еще последние известия, репортажи из мест заключения, интервью со следователями, документальные фильмы, художественные сериалы, если, конечно, их можно назвать художественными... Кто-то настойчиво и целеустремленно готовит народонаселение России к криминальной жизни... Вам не кажется?

– Я уверен, что народонаселение России к этой криминальной жизни давно подготовлено и, кажется, даже забыло, что бывает жизнь другая – спокойная, доверчивая, благожелательная... Хотите цифру, Екатерина Сергеевна?

– Хочу! – быстро сказала Касатонова.

– За последние десять лет, за годы демократии, свободы и счастливых преобразований, десять миллионов человек получили тюремный опыт. Прибавьте сюда еще столько же их детей, жен, мужей, родственников, и вы получите почти все сто пятьдесят миллионов. А вы говорите, идет подготовка... Подготовка закончена.

– А что же дальше?

– Загляните как-нибудь... Я слышал, вы вроде как бы на пенсию решили выйти, а? У вас теперь много времени?

Не понравились Касатоновой последние слова участкового, не понравились. Что-то в них цепляло ее самолюбие, достоинство или же просто нарушало мнение о самой себе. Она не сразу поняла, в чем дело, но, помолчав, догадалась – не надо бы ему произносить слово «пенсия», не надо бы. Она еще не привыкла к этому своему положению, звание пенсионерки если и не огорчало ее так уж сильно, то как бы опускало на землю, ставило на место. Так примерно прозвучали для нее невинные слова Гордюхина. Он тоже понял свою промашку и тут же попытался исправить положение, причем неплохую попытку сделал, Касатонова не могла не отдать ему должное.

– А вы случаем не танцевали в балете? – спросил он, воспользовавшись затянувшимся молчанием.

– С чего это вы взяли? – изумилась Касатонова.

– Там, говорят, в тридцать лет на пенсию выходят... Ведь вам не больше? – наивно спросил он.

– Ну вы даете, Николай Степанович! – не могла не восхититься Касатонова столь неуклюжим, но все равно приятным комплиментом. – Как такое в голову могло прийти!

– Ах, да! – спохватился участковый, почувствовав, что прощен. – Сейчас же везде на пенсию стараются выпихнуть даже раньше времени, задолго до достижения пенсионного возраста! Видимо, в балете тот же процесс пошел, как выражался один краснойбай.

– Спасибо, Николай Степанович! Я вам этого не забуду. Скажите, а вот вы снова были в квартире несчастного Балмасова... И что же, на этот раз вам понятые не понадобились?

– Видите ли, Екатерина Сергеевна, дело в том, что именно первый осмотр места происшествия важно закрепить юридически, застолбить само событие и главные подробности, обстоятельства. А уж потом, когда возбуждено уголовное дело, когда началось следствие, понятые уже не столь необходимы. Не может ведь следователь приставить по два понятых к каждому оперу... Все должно быть в границах разумного. Значит, заглянете, Екатерина Сергеевна?

– Обязательно.

– Кстати, вам привет от следователя.

– Напомните его фамилию... У него такая забавная фамилия, что с первого раза запомнить невозможно.

– Убахтин. Капитан Убахтин. Юрий Михайлович. Думаю, вам он даже позволит называть себя Юрой. Будет даже счастлив. Он напомнил мне, что у вас во время осмотра места происшествия мелькнула какая-то мыслишка, и вы обещали поделиться с ним этой мыслишкой.

– Вообще-то они у меня постоянно мелькают, – передернула плечами Касатонова, но была благодарна Гордюхину за это напоминание – речь шла о телефонных номерах, с которых звонили Балмасову в последний день его жизни. – С одним условием.

– Записываю.

– Он покажет мне список телефонов, которые эксперт увидел на определителе.

– Екатерина Сергеевна! – вскричал участковый почти в ужасе. – Уж не хотите ли вы подключиться к следствию?!

– Знаете, Николай Степанович... Мыслишка-то действительно есть.

Гордюхин только внешне был тяжеловат, неуклюж и как бы слегка туповат. Но только внешне. Касатонова допускала, что этот облик он сам же и придумал – таким ему легче было исполнять свои обязанности. Люди не видели в нем опасности и гораздо охотнее, подробнее отвечали на вопросы. А если бы он был цепким, проницательным, хватался бы за каж-

дое неосторожное слово, взгляд, жест... О, встретившись с таким человеком, лучше сразу замолчать и навсегда забыть все, что видел, слышал, все, что знаешь и о чем только догадываешься.

– Значит так, Екатерина Сергеевна, – сказал Гордюхин рассудительно. – Я сейчас у себя. Вы знаете, где я обитаю в рабочее время. Жду немедленно. Не уйду, пока вас не дождусь.

– На чашку кофе я могу надеяться?

– Можете. И еще у меня пряники есть.

– Уговорили, Николай Степанович. – И Касатонова положила трубку, неожиданно остро почувствовав, что разговор затянулся, что в их словах, и так достаточно бестолковых, появились какие-то посторонние мысли, догадки, намеки. Все это уводило в сторону, заставляло ковыряться в этой словесной шелухе, искать смысл, напрягаться. Она предпочитала разговоры короткие, четкие, может быть, даже жестковатые. К этому ее приучило издательство – там телефон был параллельный, один номер на несколько отделов, и стоило чуть затянуть разговор, как в дверь начинали заглядывать редакторы и делать страшные глаза – поторопись, дескать, сколько можно болтать?!

Зазвонил телефон.

– Да!

– Жива? – Это был сын.

– Местами.

– Жизнь распаивается всеми своими красками? Звуками? Запахами?

– Пока еще не всеми. Леша, я тороплюсь.

– Я слышал, в твоём доме что-то случилось... По телевидению передавали.

– Соседа убили. На третьем этаже. Как раз подо мной. Чуть наискосок.

– Насмерть?

– Выстрел в затылок.

– Нашли?

– Ищут.

– Он же это... Владелец какой-то фабрики?

– Мебельной, – нетерпеливо и кратко отвечала Касатонова, стремясь побыстрее закончить разговор. Почему-то ей хотелось попасть к участковому, его приглашение встряхнуло ее, вывело из какого-то оцепенения.

– Передел собственности?

– Похоже на то. Я видела все это, Леша... Меня туда затащили в качестве понятой.

– Да-а-а?! – восторженно протянул Алексей. – Ну ты даешь! Ну ты круто начала новую жизнь. А это... Тебе не угрожали?

– Леша! Подъезжай, поговорим. Хорошо?

– Заметано. Я позвоню. Лады?

– Лады. – И Касатонова положила трубку.

Опасаясь, что телефон снова зазвонит, она быстро оделась, протерла очки замшевым лоскутком, встряхнула головой, придавая волосам некий ей одной понятный порядок, и выскочила из квартиры, захлопнув за собой дверь. Спустившись на первый этаж, она мимоходом заглянула в почтовый ящик, убедилась, что он пуст, вышла на порог и остановилась, ослепленная ярким солнцем. А дальше произошло то, чего она и сама не могла себе объяснить, – вместо того, чтобы свернуть влево и по сухому теплему асфальту пройти к участковому, она свернула направо и пошла по сырой, разбитой, еще не просохшей дорожке к тому месту, где позавчерашней ночью стояла машина с зажженными габаритными огнями.

Ученые утверждают – если человек взял в руки совершенно незнакомую книгу, которую он никогда не читал и даже не видел, так вот, если он взял в руки эту книгу и просто про-

листул ее, не вчитываясь ни в единое слово, то вся она до последней опечатки уже в нем. И во всех своих дальнейших суждениях он, сам того не замечая, будет уже как-то соотноситься с этой книгой, с теми сведениями, которые в ней изложены. Поэтому есть смысл, несмотря ни на что, книги все-таки покупать и ставить их на полку, даже не читая. Достаточно, если вы с этой книгой десять минут посидите на диване и перевернете, не будет никакой беды, если прочтете какую-нибудь строку, абзац или даже страницу. И хотя вы не сможете ничего сказать о ее содержании – пусть это вас не огорчает: вся книга уже в вашем подсознании.

Вот так же и Касатонова.

Ночной хлопок раскрываемого зонтика под навесом вдруг вверх ее в какой-то поток, в водоворот событий, в котором она барахталась, ничего не понимая, но в то же время всеми силами стараясь в этом водовороте удержаться. Она не могла внятно изложить свой интерес к происходящему, но даже разрозненные впечатления, полученные за последние несколько дней, где-то в ней уже слепились в смутную картину случившегося, и теперь все ее усилия были направлены на то, чтобы эту картину как-то проявить, увидеть ясно и здраво.

Разметавшийся на полу труп Балмасова с дырой в затылке, из которой все еще сочилась кровь, телевизионный пульт, зажатый в его мертвой, серой уже руке, полупьяный, улыбающийся какой-то неживой улыбкой слесарь, который играючи выставляет из проема стальную дверь вместе с рамой, – чем не символ нашей незащитности? Чем не символ тщетности человеческих усилий спастись и защититься от обстоятельств, сооруженных вокруг нас высшими силами?

Все это в сознании Касатоновой каким-то необъяснимым образом соединилось с самыми невинными, даже возвышенными, впечатлениями того дождливого вечера, когда разноцветные окна домов отражались в мокром асфальте, из влажных кустов слышался молодой смех, а женщина в светлом плаще и под темным зонтиком легкой походкой устремилась за темный угол дома, к дороге, где ее поджидала машина с зажженными габаритными огнями. И даже тургеневская строка из наугад раскрытой книги – «как хороши, как свежи были розы»...

«У убийц, наверно, всегда легкая походка», – мелькнула вдруг мысль случайная и неожиданная. Касатонова даже глаза закрыла, озадаченная этим неизвестно откуда пришедшим озарением.

Стоял солнечный полдень, асфальт был сух и сер, мимо проносились машины, обдавая ее горячими волнами воздуха, в ста метрах на автобусной остановке толпились люди, а здесь на повороте не было ни души. И именно это вроде бы незначительное обстоятельство вдруг пронзило Касатонову после того, как какой-то лихач, проносясь мимо, выругал ее длинным нахальным гудком – дескать, какого черта здесь стоишь?!

– Действительно, – пробормотала Касатонова. – Мне здесь совершенно нечего делать. Машины несутся как угорелые, визжат, пытаются вписаться в поворот, тормозят. Но в таком случае, почему именно здесь стояла та злополучная машина в тот злополучный вечер? Почему она стояла именно здесь, если в пятидесяти метрах специально расширили асфальтовое покрытие, чтобы можно было оставить машину без риска, что какой-нибудь самосвал цапнет ее своими дурными колесами?

Касатонова осмотрелась внимательнее.

Прямо перед ней была канализационная решетка для стока дождевой воды, для весенних потоков, для подтаявшего снега. Касатонова курила и, как каждый курильщик, обладала некими привычками, слабостями, даже хитростями курильщика. Поднявшись на бордюрный камень, она внимательно посмотрела себе под ноги. Сделала вдоль дороги шаг, еще один, немного прошлась и нашла, наконец нашла то место, где стояла машина. А место ей указали несколько уже слегка подсохших на сильном жарком солнце окурков. Да, в ту ночь они были размокшими, каплями дождя их даже вдавило в землю, но теперь они просохли,

окрепли настолько, что их можно было взять в руки, не опасаясь, что они расползутся. И вздох облегчения вырвался из касатоновской груди – окурки были короткими, выкуренными до самого фильтра. Но что больше всего ее обрадовало – они были коричневыми. Более того, взглянув на них внимательнее, да с близкого расстояния, да при ярком солнце, она увидела на них вполне различимую темную губную помаду.

Касатонова даже понюхала один из окурков, но нет, кроме тяжелого духа пепельницы ничего не различила. Всего она нашла пять окурков, возможно, их было больше, но не исключено, что некоторые из них, выброшенные из машины, упали на асфальт, и их попросту смыло дождевой водой вот в этот самый канализационный люк. Люди здесь бывали редко, и они не успели еще забить чугунную решетку отходами своей бестолковой жизни – целлофановыми пакетами, раздавленными пластмассовыми бутылками, битым стеклом и прочей дрянью, которой обычно забиты все подобные решетки.

– Интересно, – протянула Касатонова вслух обычное свое словечко, не один раз доводившее до бешенства едва ли не всех начальников, с которыми ей пришлось работать, пока не вышла наконец на вполне заслуженную пенсию. – Интере-е-сно, – повторила она еще протяжнее, но на этот раз в ее голосе прозвучало уже нечто угрожающее.

* * *

Гордюхин подготовился к встрече гостя куда более основательно, чем можно было ожидать. Так участковые понятых не встречают, не чествуют. Место ему выделили не самое лучшее, но неплохое – однокомнатная квартира на первом этаже, с маленькой кухней и подтекающим унитазом, к тому же окна выходили на грохочущий машинами проспект. Но все-таки это была однокомнатная квартира, и Гордюхин обосновался в ней всерьез и надолго.

Едва войдя в прихожую, Касатонова издали увидела в комнате накрытый стол.

– Интересно, – протянула она по привычке, разглядывая развешанные инструкции, положения, плакаты. На окне висела штора, служебный стол был накрыт клеенкой, вполне домашней клеенкой, с цветочками и ягодками. На столе стоял чайник, две чашки, тарелка с черными пряниками и даже несколько конфет, судя по их обнаженному виду, из какого-то шоколадного набора.

– А в холодильнике шампанское, – добавил Гордюхин, заметив, что гостя закончила осмотр помещения.

– Вы всех понятых так встречаете?

– Только избранных.

– Избранные – это какие? Чем они лучше всех прочих? Отношением к делу? Образованием? Внешними данными?

– Всего понемножку, Екатерина Сергеевна, всего понемножку. Присаживайтесь. Чай? Кофе?

– Чай.

– Мне казалось, что вы пьете кофе.

– Кофе я пью дома. Это целый процесс. Поджарить зерна, смолоть, засыпать в холодную воду... Ну и так далее. Приходите, угощу.

– Приду, – кивнул Гордюхин. – Обязательно приду.

– Какие новости на нашем фронте? – Касатонова сама положила в чашку пакетик с чаем, залила его кипятком, бросила два кубика сахара и, взяв из тарелки пряник, разломил пополам. – Хорошие пряники, – похвалила она.

– Чем?

– Съедобные. Обычно пряники подают, когда они уже окаменели. А эти ничего, свежие.

– Полчаса назад купил.

- Так что говорит капитан Убахтин?
- Склоняется к версии о переделе собственности. Балмасов, видимо, был хорошо знаком с убийцей. Сам впустил его в дом, угостил виски.
- Я этого не подписывала!
- Во время второго осмотра, вчера... Свинтили крышку с початой бутылки. На крышке капельки виски, на горлышке тоже.
- А отпечатки?
- Никаких. Даже самого Балмасова. Это вам о чем-то говорит?
- Говорит, – кивнула Касатонова. – Если с бутылки стерты отпечатки, значит, ее держал в руках убийца, значит, не только хозяин, но и гость разливал виски. Значит, сидели долго, курили, беседовали.
- А почему вы решили, что курили? – спросил Гордюхин.
- На пепельнице есть отпечатки пальцев? – спросила Касатонова.
- Нет.
- Балмасовских тоже нет?
- Никаких.
- Вот и доказательство. К тому же на столе зажигалка... Значит, за столом был хоть один курящий.
- Зажигалка? – удивился Гордюхин. – На столе?
- А вы не помните?
- Что-то было... Убахтин послал на фабрику ревизию – проверить финансовое состояние, установить деловых партнеров, поставщиков, оптовиков... Ну, и так далее. Среди них должен засветиться человек, которому выгодно убрать Балмасова.
- Касатонова, не торопясь, откусывала маленькими кусочками пряник, прихлебывала чай, изумленно смотрела сквозь очки на Гордюхина, поражаясь его знаниям, опыту, проницательности.
- Вы так смотрите на меня, будто вам не нравятся пряники, – сказал Гордюхин.
- Пряники мне как раз нравятся, я даже подумываю, не прихватить ли мне с собой два-три.
- Сколько угодно! – обрадовался Гордюхин.
- Спасибо. Вот вы только что перечислили людей, которым может быть выгодна смерть Балмасова. Все это посторонние люди, они всего лишь партнеры... Но ведь убийца может оказаться среди его сотрудников, вам не кажется?
- Зазвенел телефон, Гордюхин поднял трубку, долго кому-то что-то втолковывал, раздражался, начинал заново и наконец, закончив разговор, положил трубку. Касатонова, занятая своими мыслями, не слышала ни единого слова, но, когда Гордюхин вышел на кухню, она увидела, все-таки увидела хитрая баба, как, возвращаясь, он мимоходом взглянул на себя в маленькое зеркало, прикрепленное к стене в прихожей, поправил волосы, подвигал плечами, расправляя на себе китель. А что его расправлять, тесноват был китель для гордюхинского тела, явно тесноват.
- Так на чем мы остановились? – спросил он.
- Я осмелилась предположить, что убийца может обнаружиться и среди ближайших сотрудников Балмасова.
- Вполне может, – легко согласился Гордюхин. – И эта версия отрабатывается, и эту возможность Убахтин предусмотрел.
- А еще не исключена личная неприязнь, – Касатонова осторожно подводила Гордюхина к своей версии.

– Екатерина Сергеевна... – Гордюхин помялся. – Я вижу, пряники понравились настолько, что с собой вы уже ничего унести не сможете... Но у меня есть еще одна упаковочка... Если позволите, я вам ее подарю.

– Ни в коем случае! Вы здесь умрете с голоду!

– А когда я приду к вам в гости, а я приду в гости очень скоро... Вы и отдаритесь. Принимается?

– С одним условием!

– Заранее согласен.

– Вы не будете отметать версию личных взаимоотношений Балмасова со своим окружением.

– Ни в коем случае! Прямо сейчас я отправляюсь на балмасовскую фабрику, чтобы разнести вот эти повестки, – Гордюхин выхватил из кармана пачку повесток и помахал ею в воздухе. – Я разнесу эти повестки, хотя знал бы кто, как мне не хочется туда ехать! Убахтин попросил по-дружески, я согласился... Если б мы с ним не выпили вот за этим столом по сто грамм, если бы потом не добавили еще по сто... Я бы не дрогнул. А так – дрогнул.

– Но ведь повестки можно и почтой доставить... – неуверенно проговорила Касатонова.

– Можно. Но! Во-первых, на это уйдет неделя, а во-вторых, придет по этой повестке только тот, кто захочет прийти. А кто не пожелает – не придет. Скажет – не получал. Скажет – не прочитал. Скажет – не осознал. Скажет, подумал, что пришел счет за газ, за воду, за электричество!

– Надо же, – протянула Касатонова. – Как интересно... – Она постучала ноготками по поверхности стола, накрытого цветастой клеенкой, посмотрела в окно на проносящиеся мимо грузовики с расписанными рекламой кузовами, опять постучала ноготками, на этот раз по пустой чашке, отчего стук получился звонким и даже как бы праздничным, и наконец в упор посмотрела на участкового. – Я разнесу эти повестки. Тихо! – она повысила голос, заметив, что Гордюхин хочет ее перебить. – Тихо, Николай Степанович... Я разнесу эти повестки, каждого заставлю расписаться в получении, и все они как миленькие завтра же будут у ваших дверей.

– Вообще-то лучше бы им прийти к Убахтину. Он их вызывает, он будет их выворачивать наизнанку и всматриваться в их изнанку хорошо вооруженным взглядом. Но дело не в этом... Зачем вам эта обуза, Екатерина Сергеевна? Вам больше нечем заняться?

– Да! – почти вскрикнула она. – Мне нечем больше заняться, дорогой Николай Степанович! И если вы не отдадите мне сейчас эти повестки, я просто увяжусь за вами и тоже поеду на мебельную фабрику, которую вы так точно назвали балмасовской. Я – понятая! Я уже в деле! И вам не удастся, – Касатонова поводила перед носом отшатнувшегося Гордюхина указательным пальцем, – вам не удастся отшить меня! Убит мой сосед! И моя обязанность сделать все возможное, чтобы преступник был найден в кратчайшие сроки и достойно покаран в полном соответствии с действующим законодательством! Вот! – Она перевела дух, закончив фразу – длинную, пустую, но верную с юридической точки зрения.

– Разве что так, – неуверенно проговорил Гордюхин. – Если уж вы, Екатерина Сергеевна...

– Курьер! Я могу быть курьером?! Я всю жизнь мечтала быть курьером при каком-нибудь уголовном деле.

– Еще по чашечке? – улыбнулся Гордюхин.

– Мне нужно забежать домой переодеться.

– Заметано. Смотрите, вот эта часть повестки открывается... И на полоске каждый адресат должен расписаться в получении. Некоторые попытаются увильнуть...

– Не увильнут.

– Кажется, я начинаю в это верить. Куда нужно явиться, когда, к кому... Тут все указано.

– Разберутся.

– Вы им напомните, что в случае неявки их ждет принудительный привод.

– В наручниках! – безжалостно проговорила Касатонова.

– Ну, не так круто... Честно говоря, мне еще не приходилось заниматься принудительным приводом.

– Займемся!

Гордюхин чутко уловил это словечко «займемся» и понял, что ему с этой женщиной придется встречаться не один раз, но он несколько не огорчился своему открытию, более того, что-то теплое и светлое поселилось в его душе.

Сунув повестки в сумочку, Касатонова наспех проглотила последний глоток чая и поспешила попрощаться. Она шла по залитому солнцем двору походкой частой, деловой, даже целеустремленной. Она снова была при деле, снова от нее что-то зависело, и кто знает, кто знает, может быть, судьбы зависели, судьбы!

Подойдя к своей двери, Касатонова остановилась, еще не осознав, что заставило ее остановиться. Когда она попыталась сунуть ключ в замок, то под этим легким нажатием дверь подалась и открылась. Взглянув на замок, Касатонова перестала дышать – он был взломан каким-то мощным рычагом, щеколда оказалась вывернутой из замка, а сам он, сделанный из какого-то пористого металла, просто разворочен.

– Интересно, – в полном оцепенении протянула Касатонова свое привычное словечко.

Когда она, кое-как прикрыв дверь, прошла в комнату, то от неожиданности присела на стул. Ее единственная комната выглядела попросту разгромленной. Книжный шкаф был опустошен, книги валялись тут же на полу, похоже, неизвестные что-то искали, иначе ничем нельзя было объяснить их ненависть к книжным полкам. Бельевой шкаф тоже оказался выпотрошенным, на полу сверкала битая посуда.

Несмотря на потрясение, Касатонова не потеряла здравость мышления. Она вдруг ясно осознала, что хороший транзистор остался стоять на столе. Когда-то ей подарил эту игрушку сын, и она постоянно пользовалась приемником, поскольку он позволял слушать весь мир. Весь мир ей был не нужен, но несколько разбросанных на разных континентах станций она находила простым нажатием кнопки. А вот фотоаппарата, дешевой мыльницы, на журнальном столике не было. И снимков в фирменном пакете проявочного пункта она тоже не увидела. Касатонова еще раз для себя повторила, словно опасаясь забыть, – очень дорогой транзистор остался на месте, а очень дешевая мыльница с никому не нужными снимками исчезла.

А впрочем, почему никому не нужными?

Может быть, именно фотки с кадрами, сделанными на месте происшествия, кому-то и понадобились?

В бельевом шкафу самая нижняя полка не была прибита, под ней Касатонова устроила тайник. Она подошла к шкафу, присела и приподняла полку – деньги оказались на месте.

– Уже хорошо, – пробормотала она.

Пройдя на кухню, она убедилась, что здесь точно такой же разгром, как и в комнате. И опять была приятно удивлена – дорогая хрустальная ваза стояла на холодильнике, а по полу были разбросаны осколки дешевых тарелок.

– Так, – сказала Касатонова и, присев на табуретку, закурила. Но тут же в ужасе вскочила и бросилась в комнату – ее сумка, в которой должны были остаться пленка и повестки, была на месте. Как выпала из ее рук при входе, так на полу и лежала. Снимки она вынула, а о пленке попросту забыла, и кассета так и валялась на дне сумки среди ключей, мелочи, каких-то тюбиков.

Дальнейшие действия Касатоновой были замедленными, но безостановочными. Вынув из своей сумки кассету с пленкой, она спустилась на один этаж и позвонила в такую

же однокомнатную квартиру. Дверь открыла женщина в домашнем халате и с бигудяшками на голове, прикрытыми, правда, косынкой.

– Ой, Катя! Заходи! Ты слышала, что случилось в нашем подъезде? Ужас какой-то! Кофе будешь?

– Буду.

Хозяйка метнулась на кухню, а Касатонова прошла в комнату и, не теряя ни секунды, но в то же время со спокойной и неторопливой уверенностью, подошла к серванту, открыла дверцу и в одну из чашек положила кассету, накрыв ее сверху еще одной чашкой.

И снова закрыла дверцу.

И прошла на кухню.

– Зоя, извини... Я совсем забыла, мне нужно сделать срочный звонок, ну просто смертельно срочный! Извини, я попозже зайду, ладно? Не имей на меня зуб.

После этого она поднялась в свою квартиру и набрала номер участкового.

– Николай Степанович, опять Касатонова на проводе.

– Рад слышать ваш голос.

– Голос у меня не самый лучший. Я прошу вас срочно прийти ко мне. Прямо сию секунду.

– Может быть, через полчаса?

– Нет, Николай Степанович. Вы сейчас кладете трубку на аппарат, надеваете фуражку, захлопываете дверь своей конторы и быстрым шагом, переходящим в бег, двигаетесь ко мне.

– Что-нибудь случилось?

– Да, – сказала Касатонова и положила трубку.

На то, чтобы надеть фуражку, выскочить в дверь, пересечь залитый солнцем двор, подняться на пятый этаж и войти в квартиру Касатоновой, нужно было минут десять. Поскольку дверь была взломана, то Гордюхин вошел через восемь минут. Осмотрев взломанный замок, он двумя шагами пересек прихожую и остановился на пороге в комнату. Среди разгромленной комнаты в кресле, закинув ногу на ногу, сидела Касатонова и курила сигаретку, пуская дым к потолку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.